

РЭЙ ХАРТ

ТРИ ВСАДНИЦЫ

18+

Рэй Харт

Три всадницы

«Автор»

2026

Харт Р.

Три всадницы / Р. Харт — «Автор», 2026

Три женщины. Три маски. Три всадницы на лошадях. Они грабят дилижансы, чтобы кормить бедных, и остаются неуловимыми для шерифа и мэра. Никто не знает их лиц, никто не догадывается, что грозные разбойницы — скромная художница, весёлая официантка и рассудительная кассирша в банке. Но однажды на пути бандиток встаёт Николас Харрис — богатый нью-йоркский делец, приехавший строить отель в маленький городок Твин-Форкс. Вместо страха он встречает их с улыбкой, вместо мести предлагает помощь. И зелёные глаза предводительницы Джоан Морисс заставляют его забыть обо всём на свете. Однако у города есть и другая власть — продажный мэр, мечтающий поймать бандитку и сделать её своей женой, и нанятый им сыщик, который идёт по следу. Смогут ли три всадницы сохранить тайну, обрести любовь и наконец перестать прятать лица? Или прошлое, окутанное мраком, разрушит их счастье? Остросюжетный, чувственный роман о свободе, дружбе и любви, от которого невозможно оторваться.

© Харт Р., 2026

© Автор, 2026

Рэй Харт

Три всадницы

Глава 1.

Солнце над городом Твин-Форкс клонилось к закату, окрашивая пыльные улицы в цвет запёкшейся крови и старого золота. Воздух, раскалённый за день, наконец начинал остывать, но в салуне «Счастливая подкова» всё ещё царил липкая духота — смесь дешёвого виски, табачного дыма и пота.

Люси Уолш, ловко жонглируя подносом с грязными стаканами, бросила быстрый взгляд в сторону окна. Там, за мутными стёклами, по главной улице прогремел крытый фургон — дилижанс «Рокки-Маунтин», тот самый, что дважды в месяц доставлял из Денвера товары и, главное, деньги для банка мистера Келли.

Она чуть заметно кивнула, как бы себе самой, и, поставив поднос на стойку, выскользнула через чёрный ход. Никто из посетителей не обратил внимания — мало ли, девчонке понадобилось выйти.

Через два квартала, у дверей банка, Сара Кендал, скромная кассирша в очках и сером платье, делала вид, что приводит в порядок вывеску. На самом деле её пальцы, нервно перебирающие гвозди, считали секунды. Когда мимо проехал шериф со своими людьми, направляясь на западную окраину, она удовлетворённо выдохнула. Ловушка захлопнулась — только не для тех, кого ждал шериф.

Она незаметно сняла с гвоздика маленький белый платок и привязала его к перилам крыльца.

За городом, в лощине, поросшей низким дубняком, всадница на белой лошади ждала уже час. Её пальцы, тонкие и сильные, лежали на луке седла; ковбойская шляпа с широкими полями бросала тень на верхнюю часть лица, а нижняя была скрыта красным бандитским платком — единственной яркой деталью в её одежде цвета высушенной земли. Из-под шляпы выбивались рыжие пряди, слишком длинные для настоящего ковбоя, и ветер играл ими, словно дразня.

Она не шевелилась, сливаясь с тенями вечернего леса, и только глаза — яркие, зелёные, с длинными ресницами, от которых у любого мужчины перехватило бы дыхание — следили за дорогой. Эти глаза умели быть холодными, как лёд высокогорных озёр, и горячими, как уголёк в костре. Сейчас в них горело то особое спокойствие, которое приходит перед охотой.

Слева от неё, на гнедой кобыле, замерла Люси — круглолицая, с весёлыми морщинками в уголках губ, хотя сейчас никто не назвал бы её весёлой. В правой руке она держала верёвку с лассо, в левой — короткоствольный револьвер.

Справа, чуть позади, пристроилась Сара, сменившая серое платье на мужские брюки и тёмную куртку; очки она спрятала в карман и теперь щурилась, но видела достаточно.

— Идёт, — прошептала Люси, когда облачко пыли на дороге подтвердило, что дилижанс приближается.

Предводительница чуть кивнула. Её сердце билось ровно — не быстрее, чем когда она кормила уток на озере перед своим домом. Она воспитала себя сама, и страх стал для неё чужим ещё в приюте, где её, годовалую, оставили в корзине у порога, даже не завернув как следует в одеяло. С тех пор она никому не позволяла себя жалеть. И никому не позволяла себя остановить.

— Как договаривались, — сказала она голосом низким и спокойным, который, казалось, не принадлежал такой хрупкой девушке с фарфоровой кожей и осиной талией. — Сара, ты

отсекаешь отход к городу. Люси, ты берёшь на себя кучера, только не убивай. Деньги — в железном ящике под сиденьем.

— А если охрана? — спросила Сара.

Зелёные глаза сверкнули из-под шляпы.

— Тогда охрана пожалеет, что родилась на свет.

Дилижанс показался из-за поворота, скрипя колёсами и оставляя пыльный след. Кучер, пожилой мужчина с седыми бакенбардами, клевал носом, убаюканный дорогой. Рядом с ним сидел вооружённый парень с винчестером, но винчестер был опущен дулом вниз, и парень лениво жевал табак.

Они не ждали нападения. В последние три месяца дилижансы грабили дважды, но грабители каждый раз появлялись с другой стороны, и шериф был уверен, что это работа мексиканских банд, приходящих со стороны границы. Никто не подозревал трёх женщин, одна из которых подаёт виски в салуне, другая пересчитывает доллары в банке, а третья... третья никто. Ни наследства, ни семьи, ни прошлого. Идеальный призрак.

Белая лошадь метнулась вперёд, даже не всхрапнув — она была так же вышколена, как её хозяйка. Земля застучала под копытами. Ветер свистнул в ушах. Предводительница натянула платок выше, почти до самых ресниц, и выхватила револьвер.

— Стоять! — крик её прозвучал как удар хлыста.

Кучер дёрнулся, натянул вожжи. Парень с винчестером выронил табак и схватился за оружие, но не успел — Люси Уолш метнула лассо с такой точностью, что верёвка захлестнула ствол винчестера и вырвала его из рук охранника. Оружие с глухим стуком упало в пыль.

— Я сказала, стоять, — повторила предводительница, наводя револьвер на парня. — Руки вверх. Живо.

Сара тем временем объехала дилижанс сзади, отсекая путь к отступлению, и взяла на прицел кучера.

— Не стреляйте, — проблеял кучер. — Там только почта и пара мешков зерна...

— Врёшь, дедуля, — усмехнулась Люси, спрыгивая с лошади. — Сегодня из Денвера везут жалованье для старателей. Четыре тысячи долларов.

Она откинула брезент, забралась внутрь и через минуту вынырнула с плоским железным ящиком.

— Откройте, — приказала предводительница.

— Ключ у мистера Уилкокса, в городе...

— Не надо ключа.

Она спешила, подошла к ящику, и одним точным ударом рукоятки револьвера сбила замок. Крышка откинулась. Внутри ровными пачками лежали зелёные банкноты и золотые монеты, тускло блеснувшие в лучах заходящего солнца.

— Наша взяла, — тихо сказала Сара, и в её голосе прозвучала не радость, а холодная решимость. Завтра утром половина этих денег появится в карманах вдовы Стилл, чей дом сгорел на прошлой неделе, и семьи Бёрнсов, чей сын болен и не может работать. А остальное уйдёт на еду для детей приюта.

— Свяжите их, — распорядилась предводительница, пряча деньги в седельную сумку. — Аккуратно. И рот им завяжите, чтобы до вечера не докричались.

Они работали быстро и молча. Через десять минут дилижанс стоял пустой, кучер и охранник сидели связанные под деревом, а три всадницы уходили на восток, в сумерки, которые сгустились над прерией, как чёрное покрывало.

В городе, в особняке на холме, мэр Мейсон Хейл сидел у камина и терзал жилетную пуговицу. Он был толст, но не рыхл — скорее массивен, как старый дуб, и эта массивность

вкупе с водянисто-голубыми глазами и неприятной, всегда чуть влажной улыбкой делала его похожим на ожившую куклу из дешёвого балагана.

Шериф только что доложил: дилижанс ограблен, охрана связана, деньги исчезли. Снова.

— И что, — прошипел мэр, — никто не видел лиц?

— Они в масках, мистер Хейл. И все на лошадях. Один всадник был на белом коне. Возможно, это женщина, судя по сложению, — неуверенно добавил шериф.

Мэр отставил бокал с виски и встал. Его маленькие глазки сузились.

— Женщина, — повторил он, и вдруг внутри него, где-то в глубине жирных складок, шевельнулось что-то совсем не похожее на гнев. Что-то липкое и жаркое, отчего он тотчас же снова сел и приказал:

— Найди её. Найди их всех. Я хочу видеть эту... всадницу в моём кабинете. Живой.

Он не договорил, но почему-то представлял совершенно отчётливо, как бандитка стоит на коленях перед его креслом, и её длинные ресницы трепещут, и он медленно, очень медленно развязывает её платок.

Мэр сглотнул и отхлебнул виски.

Пещера скрывалась за водопадом, который никто не смог найти — только они трое. Лошади вошли по пояс в холодную воду, затем нырнули в узкий проход, и через минуту оказались в сухом и просторном гроте, освещённом парой керосиновых ламп.

В пещере пахло сыростью, кожей и порохом. В углу стоял деревянный сундук, набитый одеждой, консервами и лекарствами. На каменном выступе лежали карты и тетрадь с именами.

Предводительница скинула шляпу и платок. Рыжие волосы, длинные, чуть выющиеся, упали на спину, и в тусклом свете ламп они загорелись как пламя. Кожа её, белая и тонкая, казалась фарфоровой, но на скулах горел румянец от быстрой скачки. Она устало улыбнулась — той тёплой, почти детской улыбкой, которую никогда не показывала в городе.

— Ну, давайте считать.

Люси и Сара высыпали деньги на плоский камень. Золото зазвенело, бумажные банкноты зашуршали. Они пересчитали их дважды, чтобы не ошибиться.

— Тысяча восемьсот семьдесят долларов, — выдохнула Сара. — На три сотни больше, чем мы думали.

— Значит, вдове Стилл пойдёт не сто, а двести, — сказала предводительница, садясь на ящик и обхватывая колени руками. Её длинные ресницы опустились, скрывая зелёные глаза, и в этот миг она выглядела не как грозный разбойник, а как девятнадцатилетняя девушка, которая очень устала и очень хочет домой, в маленький домик у озера, где её ждёт горячий чай и любимая собака.

Но в кармане её куртки лежал сложенный листок — список из восьми семей, которым завтра нужна будет еда, одежда и лекарства. И она знала: завтра они всё это получают.

— Завтра, девочки, начинаем раздачу, — сказала она. — А сегодня — отдых.

Люси потянулась и зевнула. Сара начала упаковывать деньги обратно в сумку.

Предводительница взяла лампу и подошла к выходу из пещеры, где вода падала сплошной стеной, скрывая их убежище от всего мира. В её зелёных глазах отражались блики, и она подумала о том, как странно устроена жизнь: её, сироту из приюта, судьба сделала охотницей за богатыми.

Но охота только начиналась.

Глава 2.

Озеро встретило её тишиной.

Луна ещё не взошла, но небо над водой уже посерело, переливаясь из сиреневого в глубокий синий, и в этом беззвучном переходе было что-то родное, успокаивающее. Джоан спустилась с седла у самого берега, и белая лошадь, которую она называла просто Сноу, ткнулась мордой ей в плечо — мол, хорошо поработали, хозяйка.

— Знаю, знаю, — прошептала Джоан, проводя ладонью по гладкой шее. — Сейчас напою тебя и отдохнём.

Домик стоял в двадцати ярдах от воды, прижавшись спиной к трём старым дубам, которые росли так тесно, будто обнимали его. Стены из грубо обтёсанных брёвен посерели от времени, но крыша была крепкой, а ставни — свежеразкрашенными в тёмно-зелёный, цвет лесной тени. У крыльца цвели жёлтые подсолнухи — посаженные собственноручно и политые в каждую засуху.

И едва копыта Сноу коснулись мягкой травы двора, как из-за двери раздался сначала глухой рык, а потом радостный, полный нетерпения лай.

— Тише, тише, моя хорошая, — засмеялась Джоан, отворяя калитку.

На крыльцо вылетела собака. Большая, лохматая, чёрная с подпалинами, она была помесью овчарки и неизвестно кого, но весила, наверное, под семьдесят фунтов, и когда вставала на задние лапы, доставала Джоан до плеча. Звали её Гроза — за то, что умудрилась разнести полдома, погнавшись за мышью.

Гроза прыгнула, облизала Джоан подбородок, потом принялась обнюхивать седельные сумки — не принесла ли хозяйка чего вкусного.

— Деньги не едят, дурында, — сказала Джоан, обнимая собаку за шею. — А вот завтра привезу тебе баранью кость от миссис Бёрнс. Договорились?

Гроза согласно твякнула и, получив свою порцию ласки, побежала к озеру — проверить, не забрёл ли кто на их территорию.

Джоан расседлала Сноу, отвела в маленький загон, где уже была свежая вода и охапка сена, и только после этого вошла в дом.

Внутри было тепло и уютно, как в раковине, которую волны никогда не тронут. Печь, сложенная из камня, ещё хранила жар утра, и воздух пах хлебом, сушёными травами и чуть-чуть — льняным маслом, которым Джоан протирала кисти. На столе, накрытом вышитой скатертью (работа Сары, она вышивала по вечерам), стояла глиняная кружка с полевыми цветами — простыми, бело-жёлтыми, собранными у самой воды.

В углу, на самодельном мольберте, сохла начатая картина: закат над прерией, одинокий всадник на тёмном коне, и облака, похожие на паруса. Джоан не считала себя великой художницей, но её пейзажи покупали — в антикварной лавке мистера Пенна в городе. Не за дорого, но на муку, крупу, масло и краски хватало. А больше ей и не нужно было.

Она развязала сумку, вынула железную коробку с деньгами — оставшейся долей от сегодняшнего налёта — и спрятала её под половицей у печи. Там же лежали другие коробки, поменьше, с надписями: «Стиллеры», «Бёрнсы», «Сиротский приют». Каждая семья получала ровно столько, сколько нужно, чтобы выжить. Ни долларом больше — потому что лишние деньги портят даже бедняков, как говорила Джоан. Но и ни центом меньше — потому что голод не шутка.

Она переделалась: сбросила пыльные ковбойские штаны, куртку, сапоги, натянула мягкое льняное платье цвета утреннего неба, распустила волосы — рыжая грива упала на плечи, скрыв тонкую талию почти до пояса. В зеркале (маленьком, мутноватом, но единственном на весь дом) на неё смотрела девушка с фарфоровой кожей, зелёными глазами и таким выражением лица, будто она знает про всех тайны, но никому не расскажет.

Она усмехнулась собственному отражению и пошла ставить чайник.

На рассвете, когда туман над озером был такой густой, что лодку можно было вести на ощупь, послышался топот двух лошадей. Гроза сначала зарычала, но сразу узнала запах и вместо лая радостно завилыла хвостом, едва не сбив крыльцо.

Люси Уолш соскочила с лошади первой, даже не дав той остановиться.

— Джоан! Ты не поверишь! — закричала она на весь лес. — Вдова Стилл уже встала в шесть утра и нашла на крыльце мешок! С деньгами и запиской: «На новый дом». Она плакала, и я чуть не разревелась вместе с ней, хотя я вообще не плакса, ты знаешь!

Люси была миловидной блондинкой с волосами цвета спелой пшеницы, которые всегда выбивались из-под любой шляпы, и глазами такими голубыми, что казалось, в них отражается небо даже в пасмурный день. Она работала в салуне, умела усмирить пьяного ковбоя одним словом, а трезвого — одним взглядом, и при этом обожала печь пироги и сплетничать, как самая обычная девчонка.

Сара Кендал подошла спокойнее, но улыбалась во весь рот — редкое зрелище, потому что в банке она привыкла к серьёзному выражению лица.

— Всё прошло гладко, — сказала Сара, обнимая Джоан. — Шериф и его люди прочесали западную дорогу, а мы пошли восточной. Никто нас не видел. И знаешь что? Я думаю, мы можем провернуть следующее дело уже через неделю. Мистер Хейл заказал из Чикаго партию оружия для своей охраны. Оружие стоит бешеных денег. А охрана ему не нужна — он просто хочет запугать город.

— Оружие мы не берём, — напомнила Джоан, пропуская подруг в дом. — Оружие стреляет. А мы не убийцы.

— А кто сказал про оружие? — Люси уже стягивала сапоги в сенях, оставляя их в лужице у порога. — Мы грабим деньги, на которые он это оружие покупает. Без денег — нет оружия. Всё честно.

Джоан задумалась на миг, потом махнула рукой:

— Поговорим вечером. Сейчас — завтрак.

Она накрыла на стол — свежий хлеб (свой, испечённый вчера), масло, мед, и, главное, то, что Люси с таинственным видом вытащила из своей перемётной сумы: яблочный пирог. Ещё тёплый, с золотистой корочкой, посыпанный сахарной пудрой, от которой у Джоан закружилась голова.

— Ты что, пекла его в пять утра? — спросила Сара.

— В четыре, — гордо поправила Люси. — Я встала, замесила тесто, яблоки порезала, и пока солнце встало, пирог уже был готов. Джоан, давай чай, я умираю от голода. И расскажи, как ты вчера доскакала. Я видела, ты чуть не слетела, когда объезжала тот камень у ручья.

— Не чуть не слетела, а ловко увернулась, — улыбнулась Джоан, разливая по кружкам крепкий травяной чай. — Сноу умнее меня.

Они сели за стол — три подруги, три разбойницы, три хранительницы чужих жизней. Гроза устроилась у ног Джоан и положила морду на колени, выпрашивая кусочек пирога. Люси тайком сунула ей корку — за что получила благодарный взгляд чёрных глаз.

— Знаешь, — сказала Сара, жуя с наслаждением, — я иногда думаю: а что бы мы делали без тебя? Ты нас нашла, ты нас собрала, ты нас ведёшь. Я бы до сих пор пересчитывала чужие доллары и делала вид, что меня устраивает, как старый Хейл обдирает бедняков.

— А я бы до сих пор разносила виски и улыбалась пьяным рожам, — добавила Люси, слизывая сахарную пудру с пальца. — И никому бы не было дела до того, что внутри у меня всё кипит.

Джоан промолчала. Она смотрела в окно, где над озером поднималось солнце, разгоняя туман, и думала о том, что у неё никогда не было семьи — только приют, только холодные стены и чужие, равнодушные спины. А теперь вот — Люси и Сара. Они не сёстры по крови, но

сёстры по духу. И они готовы умереть друг за друга — она знала это так же твёрдо, как знала, что завтра солнце взойдёт снова.

— Доедайте, — сказала она, вставая. — Нам ещё нужно раздать остальное семьям Бёрнсов, Харперов и завезти лекарства в приют. Работы на весь день.

Люси вздохнула с преувеличенной печалью:

— Работа, работа... А я хотела ещё один кусок пирога.

Сара рассмеялась и отрезала ей половину того, что оставалось.

Через час они уже скакали в сторону города — не как разбойницы, а как три обычные девушки: одна в скромном платье (Сара), другая в ярком, с кружевами (Люси — она любила наряжаться), третья — в старой кожаной куртке и бриджах, с рыжими волосами, спрятанными под шляпу.

Деньги перекочевали в холщовые мешки и были аккуратно разложены по сёдлам.

Первой они навестили вдову Стилл — та уже принялась рубить брёвна для нового дома, несмотря на свои пятьдесят лет и больные руки. Увидев девушек, она прослезилась снова, но виду не подавала — только вытерла лицо подолом фартука и сказала:

— Когда-нибудь я узнаю, кто это делает. И тогда я поставлю ему свечку в церкви каждый месяц до самой смерти.

— Поставьте лучше три, — улыбнулась Люси. — За всех добрых людей.

Потом были Бёрнсы — отец семейства лежал с поломанной ногой (несчастный случай на шахте), мать растила четверых детей и работала на трёх работах. Джоан оставила им двести долларов, лекарства от аптекаря, с которым у неё была тайная договорённость, и мешочек леденцов для малышей.

— Ты ангел, — прошептала миссис Бёрнс, сжимая руку Джоан. — Ангел в человеческом облике.

— Я всего лишь человек, — тихо ответила Джоан. — Который не может смотреть на чужую боль.

Последним был приют — то самое место, где её саму оставили в корзине у порога. Она не вошла внутрь. Стояла у ворот, смотрела, как Люси передаёт смотрительнице свёрток с деньгами, и чувствовала, как в груди поднимается что-то горькое и сладкое одновременно. Смотрительница была другой — не той, что в её детстве, добрее. Но запах казённых стен не изменился.

— Поехали, — сказала она резко, натягивая поводья.

К вечеру они вернулись в домик у озера, усталые, пропахшие пылью и лошадиным потом, но с лёгкими улыбками на лицах.

Люси тут же вытащила остатки пирога — она предусмотрительно завернула его во влажную ткань, чтобы не засох.

— Чайник ставь, — скомандовала она. — Я сегодня напрыгалась, как кузнецик. Хочу сидеть, пить чай и чувствовать себя праведницей.

— Ты всегда себя чувствуешь праведницей, — поддела Сара, разливая чай по кружкам.

— Потому что я праведница! — Люси гордо вздёрнула подбородок. — Я, между прочим, сегодня спасла мир. По кусочку. Яблочный пирог тоже часть спасения, между прочим.

Джоан засмеялась — тем редким, настоящим смехом, который слышали только эти две девушки. Смехом, в котором не было ни горечи, ни усталости. Только радость от того, что есть дом, есть подруги, есть пирог, и никто сегодня не умер от голода.

Они сидели за столом, три разбойницы, три сестры, пока за окном темнело озеро и звёзды зажигались одна за другой, как маленькие надежды в большом, несправедливом мире.

Гроза спала у печи, вздрагивая во сне — наверное, гналась за зайцем. Сноу и две другие лошади мирно переступали с ноги на ногу в загоне.

А на столе дымились кружки с чаем, лежали крошки от яблочного пирога, и в этом простом, почти забытом уюте было больше счастья, чем во всех особняках Твин-Форкса, вместе взятых.

— За нас, — сказала Джоан, поднимая кружку.

— За нас, — повторили Люси и Сара.

И чокнулись, как пьют настоящие друзья — без вина, без тостов, без лишних слов.

Глава 3.

Город Твин-Форкс просыпался медленно, как старый пьяница после долгой попойки — с головной болью, скрипом и нежеланием шевелиться. Пыль висела над главной улицей ровным золотистым маревом, и солнце, только-только перевалившее за крышу банка, выжигало из воздуха последнюю утреннюю свежесть. Было душно, пахло конским навозом, жареным луком из закуской мистера Доббса и — сегодня особенно — деньгами.

Джоан Моррисс не любила это чувство. Когда в воздухе витал запах зелёных банкнот и золотого песка, всегда случались неприятности. Либо кто-то умирал, либо кто-то кого-то обворовывал. Впрочем, сегодня второй вариант её вполне устраивал — если, конечно, обворовывать будут они.

Она шла по тротуару в скромном сером платье, надетом поверх поношенных ботинок, и чувствовала себя овцой среди волков. Волками были местные торговцы, которые завышали цены дважды в неделю — по вторникам и пятницам, — и шериф, который закрывал глаза на махинации мэра, и сам мэр, чья белобрысая физиономия мерещилась Джоан в каждом заляпанном окне.

— Джоан! — окликнули её с крыльца банка.

Сара Кендал стояла, прислонившись к перилам, и делала вид, что поправляет причёску. На самом деле её пальцы нервно теребили заколку — признак того, что случилось нечто из ряда вон выходящее.

— Зайди на минуту, — тихо сказала Сара. — Есть разговор.

Джоан огляделась по сторонам, привычно отмечая, кто и где стоит, кто куда смотрит, у кого руки в карманах, а у кого на револьверах. Ничего подозрительного. Она кивнула и вошла в банк.

Внутри пахло деревом, чернилами и старыми бумагами. Джоан ненавидела этот запах — он напоминал ей о приюте, где бухгалтерские книги пахли точно так же, и каждый ребёнок был всего лишь строчкой в графе «расходы».

— Ну? — спросила она, когда Сара заперла дверь служебной комнаты.

Сара достала из кармана сложенный листок и протянула Джоан.

— Вот. Я переписала из его чека. Имя, подпись, сумма.

Джоан развернула бумагу и прочитала: «Николас Харрис. Снято со счета: двенадцать тысяч долларов».

Она подняла бровь. Ирония, холодная и колючая, как первый осенний ветер, шевельнулась где-то под рёбрами.

— Я проверила. Он из Нью-Йорка, приехал три дня назад. Купил ранчо «Белая грива» в пятнадцати милях к северу, и теперь собирается строить отель в городе. Самый большой отель в трёх округах, как он сказал мистеру Келли.

— А деньги снял для чего?

— Для оплаты подрядов. И, думаю, чтобы показать, что он не пустозвон. Он хочет, чтобы в городе знали — у него есть средства.

Джоан прислонилась к стене и сложила руки на груди. Двенадцать тысяч — это больше, чем они добыли за последние три налёта вместе взятые. С такими деньгами можно построить

новый приют. Или школу. Или купить ферму для каждой семьи, которая живёт в лачугах у восточной окраины.

— Расскажи о нём, — попросила она. — Всё, что запомнила.

Глаза Сары загорелись тем особенным блеском, который появляется у женщин, когда речь заходит о действительно красивом мужчине.

— Высокий, — начала она, и в её голосе послышалась та самая нотка, от которой Джоан всегда хотелось усмехнуться — но только не над Сарой, никогда над Сарой. — Выше шерифа на полголовы. Плечи — как перекладина. Волосы чёрные, густые, чуть вьются. Глаза... — она запнулась, подбирая слово. — Глаза такие голубые, что, когда он на тебя смотрит, кажется, будто он видит тебя насквозь. Но не страшно, а... приятно.

— Приятно? — Джоан не удержалась от улыбки. — Сара, ты влюбилась в клиента?

— Ничего подобного! — Сара вспыхнула, но не обиделась. — Просто он... другой. Не такой, как эти местные бычки, которые только и умеют, что плевать сквозь зубы и хлопать дверьми. Он говорил со мной. По-настоящему. Спросил, как меня зовут, сколько я работаю в банке, нравится ли мне моя работа. И улыбался так, что у меня подкосились колени.

— У тебя никогда не подкашиваются колени, — заметила Джоан. — Ты слишком умна для этого.

— Вот и я думала, что умна, — вздохнула Сара. — Он не просто красивый. Он... обаятельный. С чувством юмора. Когда мистер Келли спросил, не боится ли он вкладывать деньги в город, где каждую неделю грабят дилижансы, этот Харрис рассмеялся и сказал: «Мистер Келли, если кто-то решит ограбить меня, я скорее пожалею этого беднягу, чем себя». И он не хвастался. Он сказал это легко, будто между делом.

Джоан задумалась. Двенадцать тысяч. Красивый. С чувством юмора. Это всё, конечно, замечательно, но деньги пахнут одинаково — независимо от того, кому они принадлежат. Богатому плантатору из Нью-Йорка или толстому мэру. А бедные семьи Твин-Форкса не станут есть его улыбку.

— Когда он выезжает на ранчо? — спросила она.

— Послезавтра на рассвете. Поедет в своей коляске — дорогой, с кожаным верхом, на двух гнедых. С ним будет только кучер. Охраны нет.

— Охраны нет, — повторила Джоан. — И двенадцать тысяч наличными в дорожном саквояже. Это или самоуверенность, или глупость.

— Или он действительно не боится, — сказала Сара. — Может, ему есть что терять, кроме денег.

— Тогда мы поможем ему понять, что терять деньги тоже неприятно, — Джоан оттолкнулась от стены. — Вечером соберёмся у меня и решим, где лучше устроить засаду. Дорога на север идёт через каньон?

— Да. Миля каньона, где коляска будет ехать медленно. Идеальное место.

— Идеальное, — согласилась Джоан. — Скажи Люси, пусть возьмёт лассо и свой самый злой револьвер. А ты приготовь маски. Мы же не хотим, чтобы красавчик из Нью-Йорка запомнил наши лица.

Она уже взялась за дверную ручку, когда Сара сказала:

— Джоан.

— М-м?

— Ты когда-нибудь думала о том, что мы делаем? Не о том, правильно или неправильно, а о том... что будет, если однажды мы ошибёмся?

Джоан обернулась. В глазах её подруги, умных, внимательных, всегда готовых к любой цифре и любому расчёту, сейчас была не привычная решимость, а что-то мягкое, почти уязвимое.

— Ошибаются только те, кто ничего не делает, — ответила Джоан. — А мы делаем. И пока за нашими спинами стоят голодные дети, старики без лекарств и женщины, которые работают до кровавых мозолей, у нас нет права на сомнения.

Она помолчала и добавила уже тише, с той едва заметной иронией, которую приберегала для всех, кроме самых близких:

— И потом, Сара. Если этот твой красавчик такой умный и обаятельный, может, он даже спасибо нам скажет. Двенадцать тысяч долларов — отличный повод пересмотреть свои взгляды на жизнь. Особенно если ты из Нью-Йорка и думаешь, что на Диком Западе водятся только кайоты и змеи.

Вечером того же дня домик у озера наполнился запахом яблочного пирога, крепкого чая и пороха — Люси принесла не только пирог, но и два новых револьвера, которые «случайно» оказались в подсобке салуна после вчерашней драки.

— Хозяин всё равно их не считает, — беспечно заявила она, раскладывая оружие на столе. — А нам пригодятся. Двенадцать тысяч, девочки! Двенадцать! Мы сможем купить новую крышу для церкви, нанять доктора в приют и ещё останется на платья для нас троих. Ну, может, не на платья, а на сапоги. Но всё равно!

— Люси, — сказала Джоан, разливая чай. — Ты не боишься, что этот Харрис окажется не таким простаком, как кажется?

— А мне плевать, — Люси откусила огромный кусок пирога и зажмурилась от удовольствия. — Главное, чтобы он не стрелял лучше меня. А он не стреляет. Я вчера видела его в салуне — он заказал виски, пил как джентльмен, но когда какой-то пьяный попытался пристать ко мне, этот Харрис даже не встал. Просто посмотрел. И пьяный сразу же ушёл. Сам. Ты понимаешь? Он даже пальцем не пошевелил. Просто взглядом.

— Это интересно, — заметила Сара. — Значит, он умеет контролировать людей без насилия.

— Или ему просто повезло, — усмехнулась Джоан. — Ладно. Давайте к делу. Дорога через каньон. Засаду устраиваем у поворота, где коляска замедляется. Люси, ты берёшь на себя кучера — связываешь и затыкаешь рот. Сара, ты страхуешь сзади. Я забираю деньги. Никто не стреляет, если только он не выкинет что-то неожиданное.

— А если выкинет? — спросила Люси, слизывая с пальца сахар.

— Тогда стреляй в воздух. Но не в него.

— Почему? — Люси удивлённо подняла брови. — Ты же всегда говорила: если враг опасен — стреляй первым.

— Потому что, — Джоан сделала глоток чая, и в её зелёных глазах мелькнула та самая холодная искра, которая появлялась перед каждым налётом, — потому что он не враг. Он просто богатый дурак, который решил поиграть в Дикий Запад. Мы заберём его деньги, и он уедет обратно в Нью-Йорк, где такие, как он, чувствуют себя в безопасности. А если мы его раним — за ним приедут другие. С револьверами, винчестерами и желанием отомстить. А нам месть не нужна. Нам нужны деньги.

Сара и Люси переглянулись. В этом вся Джоан — холодный расчёт, приправленный железной логикой и той странной, почти материнской заботой о них обеих, которую она никогда не показывала открыто.

— Хорошо, — кивнула Сара. — Завтра на рассвете. Я принесу маски.

— А я — пирог, — сказала Люси, и Джоан не выдержала — рассмеялась.

— Какой пирог? Мы едем грабить человека, а не пикник устраивать!

— А почему нельзя и то, и другое? — парировала Люси, подмигивая. — Знаешь, Джоан, иногда ты слишком серьёзная. Жизнь — это не только долги и справедливость. Это ещё и яблочный пирог, и хорошая компания, и красивые мужчины с голубыми глазами, которых мы грабим.

— Которых мы грабим, — повторила Джоан, качая головой. — Ты неисправима.
— Это точно, — Люси допила чай и потянулась. — Зато весело.

Когда подруги уехали, растворившись в сумерках, Джоан осталась одна. Гроза лежала у её ног и тихо поскуливала во сне — наверное, видела тот самый каньон, завтрашнюю погоню и коляску с двумя гнедыми.

Джоан сидела у окна, смотрела на озеро, которое в темноте казалось бесконечным, чёрным, как чернила, и думала о Николасе Харрисе.

Богатый. Красивый. Обаятельный. С чувством юмора.

Она представила его таким, каким описала Сара: высокий, широкоплечий, с голубыми глазами, от которых подкашиваются колени. И усмехнулась — той самой усмешкой, которую никто не видел, потому что смотреть было некому.

— Посмотрим, мистер Харрис, — прошептала она в темноту. — Посмотрим, какой ты на самом деле, когда на тебя наставят револьвер. Может, ты и вправду не испугаешься. А может, ты просто хорошо притворяешься.

Она задула лампу и легла спать, но долго не могла уснуть. Где-то внутри, глубоко-глубоко, шевелилось странное, почти забытое чувство. Не страх. Не злость. Скорее...предвкушение.

Скоро они встретятся.

Она — в маске, на белой лошади, с револьвером в руке.

Он — в дорогой коляске, с двенадцатью тысячами долларов.

Джоан закрыла глаза.

Она не знала, что этот налёт изменит всё.

Но очень скоро узнает.

Глава 4.

Николас Харрис не любил пыль. Но, когда его коляска, свернув с главного тракта, покатила по главной улице Твин-Форкса, он понял: здесь пыль будет его постоянным спутником. Она висела в воздухе, оседала на кожаных сиденьях, проникала в рот, в ноздри, за воротник рубашки, и он уже представлял, как будет вычищать её из своих вещей ближайшие три дня.

— Не город, а коптильня, — проворчал кучер Сэм, старый ирландец с лицом, похожим на печёное яблоко. — И воняет.

— Деньгами воняет, Сэм, — поправил Николас, выглядывая из-под полотняного верха. — А запах денег я готов терпеть где угодно.

Город оказался именно таким, как он ожидал: одна главная улица, два десятка деревянных домов, салун, банк, церковь, контора шерифа и обязательная антикварная лавка, где, по слухам, торговали всяким хламом из брошенных ферм. Николас уже мысленно прикинул, что отель он построит на месте старых скотобоев — земля там не дорогая, а вид на прерию открывается великолепный.

— К мэру, — коротко бросил он. — Показывай, где этот толстосум сидит.

Мейсон Хейл встретил его в кабинете, пахнушем дешёвым табаком, политурой и ещё чем-то сладковатым — возможно, духами, которыми мэр пытался перебить собственный запах. Николас подавил желание поморщиться. Хейл был именно таким, как описывали: грузный, с водянисто-голубыми глазами и влажными, пухлыми губами, которые расплывались в улыбке, стоило только заговорить о деньгах.

— Мистер Харрис! — мэр поднялся из-за стола и протянул руку, покрытую рыжеватыми волосками. — Добро пожаловать в Твин-Форкс! Город возможностей, как я люблю говорить!

Николас пожал его ладонь ровно настолько, насколько требовали приличия, и тут же убрал руку — под благовидным предлогом поправить шляпу.

— Рад познакомиться, мистер Хейл. Я слышан о вашем городе.

— Надеюсь, только хорошее? — Хейл рассмеялся, но смех его звучал как кашель.

— Я слышал, что здесь можно выгодно вложить деньги, — уклончиво ответил Николас. — А остальное меня не интересует.

Он сел в предложенное кресло, скрестил ноги и принялся рассматривать кабинет. Дешёвые картины на стенах, пыльные папки на полках, и на видном месте — фотография самого Хейла в молодости, с тощими бакенбардами и наглым взглядом. Власть, подумал Николас. Маленькая, грязная власть над маленьким грязным городком. Таких, как Хейл, он видел десятки — они все одинаковы: жадные, трусливые и самоуверенные ровно до тех пор, пока не сталкиваются с настоящей силой.

— Итак, — Хейл потер ладони. — Вы хотите построить отель. Самый большой отель в трёх округах, как я слышал.

— Самый большой и самый лучший, — поправил Николас. — С рестораном, бильярдной и отдельными номерами для богатых путешественников, которые едут на Запад. Твин-Форкс — удобная остановка по пути в Денвер. Ваш город будет на картах, мистер Хейл. А карты, как известно, привлекают деньги.

Хейл закивал, его маленькие глазки заблестели. Николас видел это выражение — выражение человека, который уже подсчитывает, сколько сможет отщипнуть от чужого пирога.

— И во сколько вы оцениваете ваш проект?

— Пока не готов говорить о цифрах, — мягко ответил Николас. — Сначала — земля, разрешения, подряды. Но я рассчитываю на вашу поддержку.

— Поддержка будет, — Хейл откинулся на спинку кресла. — Но, разумеется, не бесплатно. Местные законы... как бы вам сказать... требуют особого подхода к инвесторам.

Николас улыбнулся той улыбкой, которую приберегал для таких моментов — вежливой, холодной и ничего не значащей.

— Я готов платить налоги, мистер Хейл. Полностью и вовремя. А если вы намекаете на что-то другое... — он сделал паузу, давая словам повиснуть в воздухе. — То боюсь, я вас не понимаю.

Мэр побагровел, но быстро взял себя в руки. Он не привык, чтобы его обходили, но и ссориться с человеком, у которого столько денег, не собирался.

— Ладно, ладно, — проворчал он. — Деловые люди всегда спешат. Пожмём руки и по документам пройдемся завтра.

Они пожали. Рука Хейла была влажной и липкой, и Николас, выйдя на улицу, вытер ладонь о платок с таким видом, будто прикоснулся к чему-то нечистому.

— Ну как? — спросил Сэм, открывая дверцу коляски.

— Как я и думал, — ответил Николас, забираясь внутрь. — Жирный, белобрысый и жадный. Будет тянуть деньги из каждого гвоздя. Но мы справимся.

— А вы справитесь, сэр, — усмехнулся кучер. — Вы с кем угодно справитесь.

Банк оказался чистым, светлым и пахнущим — о чудо! — не навозом, а бумагой и лаком. Николас вошёл, снял шляпу, и сразу заметил молодую женщину за стойкой. Каштановые волосы, собранные в строгий пучок, очки в тонкой оправе, платье без единой складки. Но глаза — умные, живые, с лёгкой настороженностью — выдавали в ней не просто кассиршу, а человека, который привык всё замечать.

— Добрый день, — сказал он, подходя к стойке. — Мистер Харрис, у меня счёт в вашем банке. Я хотел бы снять некоторую сумму.

— Мистер Харрис, — повторила она, и в её голосе мелькнуло что-то похожее на узнавание. — Да, ваш счёт открыт на прошлой неделе. Какую сумму вы желаете снять?

— Двенадцать тысяч.

Она даже бровью не повела. Только кивнула и начала заполнять бумаги. Николас наблюдал за ней — за тем, как её пальцы, тонкие и аккуратные, выводят цифры, как она покусывает губу, задумавшись, и как при этом ни разу не подняла на него глаз.

Он знал этот эффект. Знал, что его рост, плечи, тёмные волосы и особенно глаза — ярко-голубые, с прищуром, который женщины называли «опасным» — действуют на противоположный пол почти как наркотик. Он не злоупотреблял этим, но иногда позволял себе маленькое удовольствие — наблюдать, как тает ледок в глазах незнакомки.

— Вы давно работаете в банке, миссис...?

— Мисс, — поправила она, поднимая голову. — Мисс Кендал. Сара Кендал. И да, давно. Пять лет.

— Пять лет — это много для такого маленького города, — заметил он. — Вы, наверное, знаете здесь каждого.

— Каждого, кто заходит за деньгами, — ответила она с лёгкой улыбкой. — А вы, мистер Харрис, зашли за очень крупной суммой. Не боитесь везти такие деньги через прерию?

— А кто сказал, что я буду их везти? — он наклонился чуть ближе, понижая голос. — Может, я их перед этим съем.

Сара Кендал не отшатнулась. Только очки чуть сползли на нос, и она поправила их с видом королевы, которую пытается развлечь придворный шут.

— Тогда желаю приятного аппетита, мистер Харрис. Двенадцать тысяч долларов — очень сытный обед.

Он рассмеялся — искренне, впервые за день. Она ему понравилась. Не как женщина (хотя и как женщина тоже — он не был святым), а как человек с характером.

— Приятно иметь дело с профессионалом, — сказал он, забирая пачки банкнот и укладывая их в саквояж. — Увидимся, мисс Кендал.

— Увидимся, мистер Харрис, — ответила она, и в её голосе прозвучало то, что он не смог расшифровать.

Салун «Счастливая подкова» оказался именно таким, как он ожидал: душным, прокуренным и наполненным мужчинами, которые пили, чтобы забыть, или пили, чтобы вспомнить. Николас заказал виски, прислонился к стойке и оглядел зал.

За одним из столов сидел пьяный в стельку ковбой. Лицо красное, глаза мутные, руки трясутся. Он приставал к официантке — блондинке с голубыми глазами и весёлым лицом, которая ловко уворачивалась от его рук, но не злилась, а скорее забавлялась.

— Иди сюда, крошка, — мычал ковбой, пытаясь ухватить её за юбку. — Не будь такой гордой.

Официантка хотела что-то ответить, но Николас опередил её. Он не встал, не сделал ни шага. Просто повернул голову, встретился с пьяным взглядом и посмотрел. Обычный взгляд, без угрозы, без вызова. Но в его глазах была та самая сталь, которую он приобрёл за годы, когда каждый день мог стать последним.

Ковбой замер. Его челюсть отвисла, рука, тянувшаяся к официантке, упала. Он пробормотал что-то невнятное, поднялся и, шатаясь, вышел на улицу, даже не допив виски.

Блондинка перевела взгляд на Николаса. Улыбнулась.

— Спасибо, — сказала она. — Но я бы и сама справилась.

— Не сомневаюсь, — ответил Николас, поднимая стакан. — Просто не люблю, когда портят вечер.

— А вы, я смотрю, любитель порядка, — она оперлась на стойку рядом с ним. — Люси. Люси Уолш. Если что — я здесь главная по части разгона пьяных.

— Николас Харрис. Если что — я здесь новый, и пока не пьяный.

Люси рассмеялась — звонко, открыто, и Николас подумал, что в этом городе, оказывается, есть женщины, которые не боятся смотреть в глаза.

— Ну, тогда добро пожаловать, мистер Харрис. И берегите свой кошелек. У нас тут беспокойно.

— У меня есть чем его защитить, — он чуть отодвинул полу пиджака, открывая чёрный револьвер с рукояткой из полированного ореха. Красивый, тяжёлый, идеально сбалансированный. Он висел на поясе так, словно всегда был там частью его самого.

— Вижу, — кивнула Люси. — Красивая игрушка.

— Не игрушка, — поправил он. — Инструмент.

Ранчо «Белая грива» он купил за полцены — предыдущий хозяин, старый скотовод, умер от лихорадки, а наследники не хотели связываться с такой далёкой землёй. Николас объехал владения верхом, оценил пастбища, водопой и дом — большой, крепкий, нуждающийся в ремонте, но с хорошими задатками.

— Кэтрин будет в восторге, — сказал он Сэму, когда они вернулись в город.

Кэтрин, его младшая сестра, семнадцати лет, с длинными тёмными волосами и такими же, как у него, голубыми глазами, уже отправилась на ранчо с обозом вещей. Она была бойкой, независимой и абсолютно не боялась Дикого Запада. Николас иногда думал, что если бы Кэтрин родилась мальчишкой, она бы уже давно командовала целым отрядом рейнджеров.

— Она сказала, что присмотрит за домом, пока вы будете по городу шастать, — хмыкнул Сэм. — Мол, у неё больше вкуса, чем у вас.

— У неё больше вкуса, чем у любого из нас, — согласился Николас. — Поэтому пусть занимается. А я пока заеду в антикварную лавку. Хочу что-нибудь для кабинета.

Антикварная лавка мистера Пенна пахла старым деревом, пылью и красками. Николас перебирал карты, подсвечники, рамки — всё это было добротным, но бездушным. Он уже хотел уходить, когда заметил картину, прислонённую к стене в самом углу.

Она была небольшой, написанной маслом на грубом холсте, но в ней было то, что заставило его остановиться. Пейзаж — прерия на закате, когда солнце уже село, но небо ещё горит, и в этом огне, впереди, скачет всадница на белой лошади.

Лица не было видно — только силуэт, только рыжие волосы, развевающиеся по ветру, и белое пятно лошади, почти сливающееся с облаками. Но в этом силуэте было движение, свобода, вызов. Художница (Николас почему-то сразу понял, что это женщина) не просто нарисовала картинку — она вложила в неё что-то личное, почти интимное.

— Сколько? — спросил он у мистера Пенна, не отрывая взгляда от холста.

— Два доллара, — ответил старик. — Местная художница продаёт. Джоан... фамилию не помню. Скромная девушка, но талантливая.

Николас вытащил из кармана три доллара и положил на прилавок.

— Передайте ей, что картина уехала в хорошие руки. И спросите, нет ли у неё других работ.

— Спрошу, — кивнул Пенн, пряча деньги. — Она часто заходит по вторникам.

Николас забрал картину, завернул её в чистую тряпицу и вышел на улицу. В коляске он развернул её снова, прислонил к сиденью напротив и долго смотрел на рыжую всадницу.

Всадница на белой лошади. Рыжие волосы, развевающиеся по ветру. Лица не видно, но он почему-то был уверен, что у неё зелёные глаза. Яркие, зелёные, как весенняя трава в прерии.

— Сэр, — позвал Сэм с козел. — Солнце садится. Ехать пора.

— Едем, — ответил Николас, не отрывая взгляда от картины.

Коляска покатила по пыльной дороге к ранчо «Белая грива». В саквояже лежали двенадцать тысяч долларов, на соседнем сиденье — картина, от которой невозможно было отвести глаз, и в голове роились мысли о перестройке дома: где сделать большую гостиную для Кэтрин, где — кабинет, где — спальни. Он представил эту картину на стене, над письменным столом. Каждый раз, поднимая глаза от бумаг, видеть её. Свободную. Непокорную. Невидимую.

Николас улыбнулся сам себе. Впервые за долгое время ему захотелось остаться здесь, в этой пыльной, грубой, опасной земле, не потому что нужно спрятаться от прошлого, а потому что здесь, казалось, ещё осталось что-то настоящее.

— Хороший день, — сказал он вслух.

— Чего? — переспросил Сэм.

— Хороший день, Сэм. Ещё один хороший день.

Солнце ушло за горизонт, оставив на небе полосу багрового света. Коляска свернула к воротам ранчо, где уже горели огни в окнах — Кэтрин зажгла лампы и, судя по дыму из трубы, поставила чайник.

Николас вошёл в дом, держа под мышкой картину, и первым делом повесил её на гвоздь в пустом кабинете. Отошёл на шаг, наклонил голову.

— Здравствуй, — сказал он всаднице. — Думаю, мы ещё встретимся.

Он не знал, как близка будет эта встреча.

Глава 5.

Дорога на север петляла между невысоких холмов, поросших жёсткой, выгоревшей на солнце травой. Утренний воздух был ещё свеж, но уже чувствовалась близкая жара — та самая, которая делает прерию похожей на раскалённую сковороду. Коляска Николаса Харриса, запряжённая парой гнедых, неторопливо катилась от ранчо «Белая грива», оставляя за собой шлейф бледной пыли.

Николас сидел, откинувшись на кожаную спинку, и рассеянно смотрел на проплывающие мимо пейзажи. В саквояже рядом с ним лежали те самые двенадцать тысяч — плата за первый этап строительства отеля. Сегодня он должен был встретиться с подрядчиками, но встреча была назначена на полдень, и он не торопился.

— Сэм, — окликнул он кучера. — Долго ещё до поворота?

— Минут двадцать, сэр, — ответил ирландец, не оборачиваясь. — А там уже рукой подать.

Николас кивнул и снова уставился вдаль. Где-то там, впереди, ждал новый отель, ждали новые заботы. Он почти успокоился, почти поверил, что прошлое осталось позади.

Именно в этот момент из-за скального выступа вылетели три всадницы.

Они появились бесшумно, как призраки, — три тени на фоне утреннего солнца. Белая лошадь впереди, две гнедые чуть сзади. Ковбойские шляпы низко надвинуты на лица, красные бандитские платки скрывают нижнюю половину. Но даже сквозь эту маскировку Николас сразу понял: перед ним женщины.

Не потому, что они были мельче или двигались иначе. Просто он знал женщин. Знал, как изгибается женская спина в седле, как лежат руки на поводьях, как платок не может скрыть тонкую линию скул. Три женщины. И одна из них — впереди на белой лошади — смотрела на него глазами такого яркого, такого пронзительного зелёного цвета, что у него перехватило дыхание.

— Стой! — крикнула она, и голос её, низкий, спокойный, прозвучал как приказ.

Сэм дёрнул вожжи, лошади всхрапнули и остановились. Кучер потянулся было за ружьём, но Николас положил руку ему на плечо.

— Не надо, Сэм.

— Но, сэр...

— Я сказал — не надо.

Он поднял руки вверх с таким видом, будто его грабили каждый день после завтрака, и это давно перестало быть событием. На лице его не было ни страха, ни злости. Только лёгкое, чуть насмешливое любопытство.

— Доброе утро, леди, — сказал он, глядя прямо в зелёные глаза предводительницы. — Прекрасная погода для верховой езды, не правда ли?

Джоан — а это была она, хотя под маской и шляпой её никто не узнал бы — слегка наклонила голову. Через платок голос звучал глуховато, но отчётливо:

— Слезайте. Медленно. Руки держите там, где мы их видим.

— Охотно, — Николас откинул полог коляски и спрыгнул на землю, не забыв прихватить саквояж. — Только сразу предупреждаю: в саквояже деньги, и если вы их возьмёте, я не смогу заплатить рабочим. А они, знаете ли, любят получать жалованье вовремя.

Люси, сидевшая на гнедой слева, чуть не поперхнулась от такой наглости. Она покосилась на Сару, та едва заметно пожала плечами — мол, что с него взять, богатый идиот.

Но Джоан не повелась.

— Саквояж поставьте на землю. Отойдите на три шага.

Николас выполнил команду с грацией человека, который привык подчиняться только тогда, когда это ему выгодно. Он поставил саквояж, отошёл, скрестил руки на груди и принялся разглядывать предводительницу так, будто она была картиной в его новом кабинете.

— Знаете, — задумчиво произнёс он, — у вас очень красивые глаза. Такие зелёные... я бы сказал, цвета весенней листвы. Или, может быть, изумрудов. Хотя изумруды холоднее. А у вас тёплые.

Джоан не ответила. Но её пальцы чуть сильнее сжали револьвер.

— Забери саквояж, — бросила она через плечо.

Люси спрыгнула с лошади, подхватила тяжёлый саквояж и быстро проверила содержимое. Банкноты, пачки, всё на месте. Она кивнула Джоан.

— Всё тут.

— Отлично. Свяжите их.

Николас наблюдал, как вторая бандитка достаёт верёвку, и вдруг рассмеялся — тихо, искренне, с каким-то мальчишеским задором.

— Вы знаете, — сказал он, обращаясь к Джоан, — я ведь мог бы сопротивляться. У меня есть револьвер, и я неплохо стреляю. Но знаете что? Если эти деньги пойдут на благое дело, я совершенно не против, что меня грабят. Хоть каждый день. При условии, конечно, что грабительницами будете вы.

— Заткнитесь, — ровно сказала Джоан.

Но внутри у неё всё сжалось. Он говорил легко, с той особенной интонацией, которая заставляет женщин краснеть даже тогда, когда они держат мужчину на прицеле. И он смотрел — не на револьвер, не на саквояж, а прямо в её глаза, сквозь платок, сквозь шляпу, сквозь все её защиты.

Сара тем временем спешила и принялась связывать кучера. Люси взялась за Николаса.

— Руки за спину, — приказала она.

— С удовольствием, — он послушно сложил руки за спиной, даже не пытаясь дёрнуться. — Только не слишком туго, я чувствительный.

— Заткнитесь, — повторила Люси, но в её голосе прозвучала нотка, которую Джоан узнала — Люси от души веселилась.

Наконец, когда кучер и Николас были связаны по рукам и ногам и усажены на обочине, Джоан решила, что пора обыскать его — на случай, если при нём есть ещё оружие или деньги.

Она спешила, подошла вплотную. Он сидел на земле, прислонившись к колесу коляски, и смотрел на неё снизу вверх. Вблизи его глаза оказались ещё более яркими — голубыми, как небо над прерией после дождя. И пахло от него... Джоан невольно вдохнула. Дорогой табак, кожа, и что-то ещё, мужское, тёплое, отчего у неё слегка закружилась голова.

— Не дёргайтесь, — сказала она, наклоняясь, чтобы проверить карманы его пиджака.

Он не дёрнулся. Он даже не шелохнулся. Но когда её пальцы скользнули по его поясу, проверяя, нет ли там спрятанного ножа, он чуть наклонил голову, и его дыхание — тёплое, ровное — коснулось её щеки.

Джоан замерла на долю секунды. Этого никто не заметил — ни Люси, ни Сара. Но она заметила. И он заметил, что она заметила.

— У вас очень мягкие руки, — тихо сказал он. — Для бандитки.

Джоан выпрямилась, отступила на шаг, и в её зелёных глазах вспыхнуло что-то — то ли ярость, то ли смущение, то ли нечто третье, чему она не хотела давать имени.

— Свяжите ему ноги крепче, — бросила она Люси. — И рот завяжите. Этот слишком много говорит.

— Зачем рот? — удивился Николас. — Я буду молчать. Честное слово. Я даже не спрошу вашего имени. Хотя очень хочется.

Люси всё-таки засунула ему в рот кляп — из чистого сочувствия к Джоан, у которой уши, даже скрытые под шляпой, стали пунцовыми.

Через пять минут всё было кончено. Саквояж с деньгами висел на луке седла Джоан, лошади танцевали на месте, чуя скорый отъезд.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.